

— Доброе утро, исследователь Чэнь, — поздоровался с ним выходящий из дома Ся Дунли, когда тот всё ещё разглядывал двор. Он вёл себя как обычно, разве что выглядел в особенно хорошем расположении духа.

— Доброе утро, Сяо Ся, — Чэнь Ли помахал ему рукой. Затем он наблюдал, как Ся Дунли открыл ворота двора, зафиксировал их и перевернул небольшой грифельную доску с контактными данными и попутно прикрыл собачью дверцу.

Все эти действия выглядели абсолютно привычно — Ся Дунли делал так каждый день, — но Чэнь Ли всё равно чудилось некое несоответствие.

С той же строгостью, с какой проверяют научные статьи на антиплагиат, он сантиметр за сантиметром осмотрел сцену перед собой и спустя некоторое время наконец понял, что было не так.

Дело было в доске. На грифельной доске, где раньше стоял только номер Ся Дунли, теперь прибавились контакты Сюнь Ваня.

Эх, а я-то подумал!

Чэнь Ли почувствовал разочарование — выходило, что все его утренние детективные изыскания пошли прахом.

Товарищу Сяо Ся то и дело нужно выезжать по делам, так разве есть что-то странное в том, чтобы добавить номер своего работника? Абсолютно ничего.

Хотя смутное ощущение странности всё ещё оставалось, Чэнь Ли вскоре отвлёкся на действия Ся Дунли и не стал развивать эту мысль.

Увидев, как Ся Дунли пыхтит, загружая в мототрицикл инструменты из нержавеющей стали, он решил помочь:

— Сяо Ся, что ты задумываешь?

— Стричь овец, — Ся Дунли забрался на мототрицикл и, заметив на лице Чэнь Ли смесь любопытства и азарта, решил прихватить его с собой.

Пока они ехали к загону, он попутно всё объяснил.

В кузове лежала система для стрижки овец, которую он пару дней назад одолжил, чтобы остричь своих черномордых овечек. И нет, дело было не в том, что ему жалко давать их гладить другим, просто с наступлением летней жары, пусть даже Дами выгуливал стадо от рассвета до заката, овечки всё равно высовывали языки от зноя.

И хотя кончик алого язычка на милой чёрной мордашке выглядел невероятно трогательно, для самих бедолаг это было не к добру.

Собаки высовывают язык для терморегуляции, но у овец, как и у кошек, на языке нет потовых желез. Если овца вываливает язык, это значит лишь одно: «Я сейчас сгорю от жары!»

Поэтому Ся Дунли решил сменить этим молодым овечкам их плотные кашемировые шубы на лёгкие тонкие жилетки.

Опыт стрижки собак у него был богатый, а вот с овцами работать ещё не приходилось, так что

Ся Дунли специально ходил консультироваться к хозяину фермы неподалёку.

Хозяин щедро одолжил ему весь комплект оборудования, самым технологичным из которого был специальный фиксатор.

Внешне это выглядело как обычная металлическая рама, но внутри располагались зажимы: когда овца заходила внутрь, боковые планки опускались, надёжно подхватывая животное под брюхо. Затем рама переворачивалась на бок — и овечка послушно усаживалась!

Такая конструкция экономила кучу сил и людям, и животным, а главное — оберегала овец от стресса. Большинство стриженных подопечных были мягкошёрстными овечками, а у них, в отличие от упрямых козлов, вечно выгибающих шею и оспаривающих авторитет хозяина, душонка куда ранимее.

— Единственная сложность — загнать овцу внутрь, — рассказывал Ся Дунли за рулём. — На той ферме станок ставят прямо у выхода из загона и направляют животное металлическими щитами. Остригли одну — впустили следующую, совмещая стрижку с перегонем в другой загон. Но у нас такой номер не пройдёт.

Товарищ Сяо Ся не располагал ресурсами богатых заводчиков: у него имелся лишь один только что построенный загон. Впрочем, у бедняков свои уловки...

Он остановил мототрицикл на пустыре возле загона, весело выпрыгнул из кабины и побежал к человеку, который стоял неподалёку и смотрел в их сторону.

— Сяо Вань! — Ся Дунли поднял корзинку, висевшую на руле. — Сделай перерыв, иди завтракать!

Хм? Чэнь Ли, как раз выходивший из машины, при слове «завтрак» тут же повернул голову. На его глазах эти двое с невероятной слаженностью и скоростью за пару секунд раскладывали складные табуреты, поднимали зонт от солнца и накрывали импровизированный стол.

Ся Дунли не только налил в пиалу Сюнь Ваня суп из маша, но и достал тарелку с салатом из битых огурцов и соленьями, которые явно стояли в холодильнике — от них прямо-таки веяло морозной свежестью.

Под палящим солнцем ярко-зелёные огурцы блестели, словно чистейший сочный нефрит, хрустящие и свежие — их явно сорвали с грядки совсем недавно и сразу же охладили.

А рядом лежала надрезанная пышная паровая булочка-маньтоу — очевидно, предполагалось наполнять её фирменными соленьями деревни Сяоцзинь. Такой простой, но невероятно аппетитный и освежающий завтрак в жару разжигал зверский аппетит.

Чэнь Ли завидовал. Искренне и безнадёжно завидовал.

Деревня Сяоцзинь была самым обычным сельским населённым пунктом с сильным оттоком населения и старением жителей. Детей здесь было настолько мало, что даже школу не открывали. А что это означало? Это означало, что в деревне Сяоцзинь НЕ! ПРОДАВАЛИ! ЗАВТРАКОВ!

Местные жители не придавали значения культуре завтраков: обычно женщины просто заливали кипятком вчерашний рис с остатками еды, делая быстрый суп, либо варили простенькую кашу; и только в семьях с детьми лепили вонтоны или баоцзы.

Таковы традиции. Деревенские жители отправлялись в поле спозаранку, пока не встало солнце, а возвращались домой часам к девяти-десяти. К этому времени чувство голода утихало, так что все перекусывали на скорую руку — всё равно скоро обед.

Чэнь Ли, заядлый холостяк из городского университетского городка, привык спать до последнего звонка будильника, а потом на бегу перехватывать завтрак по дороге на работу. Поначалу медленный темп деревенской жизни казался ему романтической экзотикой, но со временем пришло осознание полного неудобства.

Как на грех, его младший сокурсник готовить не умел, но ему хитрый староста сам приносил еду, а napроситься к нему на хвост Чэнь Ли не мог.

Честно говоря, последнее время Чэнь Ли оптом заказывал в интернете замороженные полуфабрикаты и каждое утро первым делом включал пароварку.

Благодаря современным технологиям замороженная еда по вкусу почти не уступала свежеприготовленной. И хотя у него регулярно рвалось тесто из-за того, что он не умел засекаать время, Чэнь Ли был вполне доволен жизнью.

Но сегодня при виде чужого завтрака у него слюнки текли ручьём. Чем вообще он сам питается?! А у них там ещё и баночка йогурта — видно, что домашнего приготовления, из йогуртницы! Сяо Ся, как знал Чэнь Ли, покупал парное молоко на соседней ферме, а оно ведь такое густое и ароматное...

Ы-ы-ы...

Исследователь Чэнь честно пытался сдержаться, но так и не смог подавить вырвавшуюся серию невнятных звуков.

Ся Дунли, с умилением наблюдавший за тем, как ест его Сюнь Вань, замер. Его губы дёрнулись.

Взгляд у него за спиной был слишком уж жгучим, а звуки — чересчур выразительными. Ся Дунли вздохнул и вытащил из корзинки два чайных яйца в целлофановом пакетике. Заметив, как вспыхнули глаза Чэнь Ли, он поспешно добавил:

— Заварку для яиц мы сушили из остатков нашего чая, так что если ты не брезгуешь...

Впрочем, насчёт гигиены сомневаться не приходилось: чай дома наливали из большого чайника или чаши справедливости, так что заварки никто губами не касался... Но договорить он не успел.

— Впустяки! — Исследователь Чэнь в этот момент не отличался привередливостью. Он тут же сцапал пакетик из рук Ся Дунли, постучал яйца одно о другое прямо через плёнку и с лёгкостью снял скорлупу.

Ещё до того, как яйцо попало в рот, аромат маринада ударил в нос: бадьян и лавровый лист властно захватили всё обонятельное пространство. Впрочем, и глубокий вкус самого домашнего яйца не уступал — при первом же укусе раскрылся нежный, рассыпчатый, словно бархатистый песок, желток.

Желток пропитывается труднее всего, да и Ся Дунли не стал протыкать белок при варке для лучшей мариновки, но именно эта нейтральность идеально сбалансировала насыщенность

маринада, впитала пряные ноты и в итоге оставила чистый, богатый вкус настоящего яйца.

Одним словом — объедение!

<http://bllate.org/book/18144/1757781>